

Раздел 3. Отечественная литература первой половины XX века: проблематика и поэтика

Д. Т. Гращенкова
(научн. руководитель *Е. А. Федорова*)
Ярославский государственный университет,
Ярославль, Россия

Вечное и временное в календарной прозе Е. Н. Опочинина

Аннотация: Е. Н. Опочинин в своей календарной прозе показывает, что Рождество и Пасха становятся временем испытания человека, когда проявляется двойственность его природы. В рождественских рассказах звучит мотив спасения, который связан с ситуацией духовного прозрения героя, а в пасхальных рассказах через ситуацию испытания герой двигается к согласию с окружающими, к соборности. Кульминацией рассказов становится погружение героя в сакральное время.

Ключевые слова: Е. Н. Опочинин, рождественские рассказы, пасхальные рассказы, мотив спасения, ситуации испытания, прозрения, согласия.

Православный тип духовности сформировал многие черты русского национального своеобразия, определил доминанту русской культуры [Есаулов 1998: 354]. И. А. Есаулов отмечает, что христоцентризм, свойственный русскому человеку, порождает парадокс: «сближение дистанции между грешниками и праведниками (поскольку те и другие несовершенны, недостойны Христа, а в то же время достойны жалости, любви и участия – вплоть до того, что лишь в православной традиции юродивые «Христа ради» могут становиться святыми)» [Есаулов 2009: 165].

Исследователь акцентирует внимание на том, что христоцентризм является также важнейшим атрибутом христианской культуры как таковой: «Годовой литургический цикл ориентирован на события жизни Христа. Основными из них являются Его Рождение и Воскресение. Поэтому важнейшими событиями литургического цикла являются празднование Рождества и Пасхи. Если в западной традиции можно усмотреть акцент на Рождество (и, соответственно, говорить о рождественском архетипе), то в традиции Восточной Церкви празднование Воскресения остается главным праздником не только в конфессиональном, но и в общекультурном плане, что позволяет высказать гипотезу о наличии особого пасхального архетипа и его особой значимости для русской культуры» [Есаулов 2009: 165–166].

Под архетипами И. А. Есаулов понимает «трансисторические «коллективные представления», которые формируются и обретают определенность в том или ином типе культуры. <...> это культурное бессознательное: сформированный той или иной духовной традицией тип мышления, порождающий целый шлейф культурных последствий» [Есаулов 2009: 166]. Особенностью пасхального архетипа, по мнению исследователя, является то, что «Воскресение – это совсем не второе Рождение, не возрождение заново. Это, напротив, спасение – как переход в иное (духовное) измерение, в иное качество. Однако Воскресения не бывает не только без смерти, но и без твердой веры в реальную возможность этого чуда» [Есаулов 1998: 357–358].

Н. В. Захаров выделяет такую доминанту русского национального характера, которая связана с Пасхой, как соборность. Пасхальный рассказ, по мнению Н. В. Захарова, был неизбежен в русской литературе, так как для русского человека важно воскрешение души, духовное перерождение (в западной традиции предпочтение, напротив, отдается рождению, следовательно, Рождество играет большую роль, чем Пасха). Эти рассказы отличаются теоцентрической картиной мира, христианским реализмом [Захаров 1994: 254].

Пасхальный рассказ связан с праздниками всего Пасхального цикла от Великого поста до Троицы и Духова дня (Великий пост, Страстная и Святая недели, Пасха, Вознесение, Троица, Духов день). «Пасхальный рассказ назидателен – он учит добру и Христовой любви; он призван напомнить читателю евангельские истины» [Захаров 1994: 256]. Его сюжеты – «духовное проникновение», «нравственное перерождение человека», прощение во имя спасения души, воскрешение «мертвых душ», «восстановление» человека. Приуроченность времени действия к Пасхальному циклу праздников и «душеспасительное» содержание обязательны для данного жанра [Захаров 1994: 256].

Н. В. Захаров отмечает: «Как жанр пасхальный рассказ един, но это единство многообразия: сохраняя жанровую сущность неизменной, каждый автор мог выразить в пасхальном рассказе свое, задушевное» [Захаров 1994: 261].

К календарной христианской прозе относятся также рождественские и святочные рассказы. Н. В. Захаров разграничивает святочный и рождественский рассказ: рождественский рассказ говорит о христианских заповедях и добродетелях, а святочный – об испытании человека Злым Духом. Их объединяет хронологическое совпадение – оба жанра приурочены к Рождеству [Захаров 1994: 249].

С. Г. Макеева и О. С. Михеенко отмечают, что в рождественском рассказе, в отличие от святочного, «Происхождение Чуда не обязательно сверхъестественного порядка, но и вполне бытового: удачного стечения обстоятельств, счастливой случайности» [Макеева, Михеенко 2013: 244]. По мнению исследователей, одной из особенностей рождественского рассказа является присутствие среди главных героев ребенка. «Поэтому в число обязательных адресатов рождественского рассказа входит маленький читатель, призванный сохранить эту веру в Божественное Провидение» [Макеева, Михеенко 2013: 244].

Именно в рождественских рассказах элемент утверждения христианской добродетели оказывается особенно значительным. Как отмечают исследователи, «в праздничные рождественские дни авторы произведений призывали читателей быть лучше, и, наоборот, оценивали преступление, совершенное на Рождество, как тяжкий грех. Рождественские праздники должны были стать, по выражению Ф. М. Достоевского, «днями семейного сбора», примирения и всеобщей любви» [Макеева, Михеенко 2013: 245].

Рождественский рассказ восходит к мистерии, поэтому он генетически связан с богослужением, обычно содержит цитаты из него. Он имеет книжный характер, соотносится с агиографической литературой и другими книжными жанрами (легендой, видением и др.) Посредником между мирами может быть ангел или святой.

Духовный смысл праздника состоит в том, что в святки (святые дни между Рождеством Христовым и Богоявлением) по представлению христиан, небо опускается на землю и происходят чудеса. Рождество Христово – это начало мира, это возможность человеку войти в духовное пространство, отказавшись от природного (биологического) в себе. Дорогу, путь в вечность указывает человеку Спаситель. Обычно в рождественских рассказах вспоминают младенца Христа и Богородицу [Федорова 2016].

Покажем, как в прозе Е. Н. Опочинина реализованы законы календарной прозы. В рассказе «При Иване Грозном» царскому терему противопоставлен дом князя Данилы Ивановича. Если в царских палатах находятся опричники, гремит музыка скоморохов и «кланяются зверю» (медведя усаживают и величают), то в доме Данилы Ивановича – «святая тишина», в крестовой комнате «желтые свечи рядами горят в паникадьницах перед иконами, а ярче всех – перед праздничной иконой Рождества Христова» [Опочинин 1910: 13-14]. Царь Иван Грозный, ворвавшись с опричниками в дом Данилы Ивановича, увидел неведомого старца в молитве перед иконой и хозяина дома с внуком на руках, «безвинным младенцем». В этом пространстве, где происходит синтез сакральной и секулярной формы, опричники и царь чувствуют себя неуютно, они выходят во двор, где происходит чудо: под звуки «радостной рождественской песни» «медведи разом уткнулись в снег головами, будто творя земные поклоны» [Опочинин 1910: 14]. Сакральное время и пространство воздействуют на героев и преображают их. Этапами духовной эволюции героя можно считать исходную ситуацию духовной слепоты, кризис-ситуацию, когда царь видит старца за молитвой, и выбор героя (отказ от казни), который ведет его к прозрению.

В рассказе «Рождественское богомолье воеводы» пространство главного героя, воеводы Игната Талызина, мучимого обидой на Юрия Салтыкова, расширяется и наполняется светом во время рождественского богослужения: «...Воеводе мнится, что раскрылось небо, и несметный клир колеблет церковь» [Опочинин 1910: 45]. В его сердце загорается огонь любви, который теперь изменяет его пространство: «Был тусклый зимний день, когда воротился домой воевода, но на душе у него светило ясное солнце» [Опочинин 1910: 46]. Здесь также мотив преображения связан с ситуацией духовного прозрения.

Рассказ Е. Н. Опочинина «В святую ночь» – яркий пример пасхального рассказа. В данном произведении сохраняются все жанровые особенности пасхального рассказа. Действие разворачивается вечером в Великую Субботу, то есть накануне Святой ночи Христова Воскресенья. Герой, встретившись со своим старым знакомым Григорием Андреевичем Лосищевым, замечает в нем кардинальные изменения. Если раньше Лосищев «был очень богатый человек, с большим положением» [Опочинин 1907: 185], то теперь же он живет в деревне, а службу оставил. Сам герой

размышляет о переменах, произошедших с Лосищевым: «Дело в том, что <...> Лосищев как припомнилось мне, был тогда не совсем тем человеком, каким казался он теперь. По крайней мере, все говорили, что это человек черствый, сухой, недоступный никаким добрым порывам» [Опочинин 1907:186–187], «Что же за перемена случилась с ним? <...> Куда девался этот сухой, чиновничий тон, эта олимпийская строгость и недоступность» [Опочинин 1907: 187]. Теперь Лосищев покорный и смиренный человек: «не было и намека на прежнего гордого, властного барина» [Опочинин 1907: 188].

Изменения в характере и поведении бывшего барина прослеживаются и через речь. Автор отмечает прежний «деревянный» голос Лосищева-барина: «Извините, ничего не могу», «да–с, незачем», «Что ты, Элли?». Изменившийся Лосищев охотно вступает в диалог, не стесняется своих чувств, плачет, его голос обрывается, скорая речь сменяется плавной, в которой собеседнику открывается сам герой и его душа.

Сам Лосищев объясняет, что привело его к таким изменениям: «Мне нужно было для этого потерять Элли, потерять навсегда. <...> Впрочем, началось это пересоздание еще при ее жизни, и это несколько меня утешает» [Опочинин 1907: 188]. Он рассказывает об удивительном происшествии, когда его дочь Элли в праздник Пасхи открылась отцу в церкви, а также остановила вора в доме и примирилась с ним. Прозрение героя происходит после потери близкого человека, который дал ему пример общения с людьми. В этом пасхальном рассказе показана ситуация искупления греха и движение героя к согласию с людьми.

К пасхальным рассказам Е. Н. Опочинина относятся «Царские писанки». Произведение начинается с признания Саввы Багрецова: «Да, все мне Бог послал вместе с «Христос Воскресе» [Опочинин 1910: 60]. Внутреннее и материальное благополучие пришло к герою в Святой праздник.

Действие происходит в Великую Субботу, когда Савва погружается в воспоминания пятилетней давности, когда в праздник Святой Пасхи изменилась его жизнь. Тогда он мальчиком–подростком продавал у кремлевской стены писанки собственного производства, которые никто не хотел покупать. Но произошло чудо. Сам царь Иван Грозный купил писанки у Саввы, чем помог юному мастеру.

Произведение начинается и заканчивается с мысли Саввы о том, что все к нему пришло «вместе с Христос Воскресе». Е. Н. Опочинин использует кольцевую композицию, чтобы показать, что Пасха для мальчика оказалась праздником, когда происходят чудеса, и что Святой праздник – это константа русской национальной жизни. Мотив спасения в этом рассказе связан с ситуацией помощи и обретения.

Основное действие рассказа «Блаженный и воевода» разворачивается в Великую Субботу и в Светлое Христово Воскресенье. Воевода Семен Вяземский нравственно и духовно перерождается, поэтому здесь также звучит мотив нравственного перерождения человека. Измениться заставляют воеводу чудеса, которые происходят на его глазах: юродивый Вася, брошенный Вяземским в яму, чудом выбирается оттуда, позже выбираются из заключения и другие люди, наказанные князем, и являются перед ним: «Недолго пробыл в яме блаженный; той же ночью ушел он из нее, хоть недельщики и забожились, что его не выпускали» [Опочинин 1912: 20], «Смотрит воевода – и глазам своим не верит: перед ним все те, кого он вкинул в ямы, а впереди всех блаженный Вася стоит» [Опочинин 1912: 26]. Изначально воеводу Вяземского все боялись, это был грозный, нравный и страшный человек: «...Крут и самоволен, и людям от него порою солоно приходит» [Опочинин 1912: 17]. Единственными его развлечениями были песни и мусикийское гуденье. Настолько он увлекался забавами, что «честью боярства не дорожил князь Семен Петрович из–за песни да игры мусикийской» [Опочинин 1912: 18].

Вяземский боялся только юродивого Васю из–за чудес и необъяснимых явлений, происходящих там, где Вася. Вася не боялся князя, как все остальные люди в Тотьме, обращался к воеводе как к брату: «Здрав буди, брате!», «Дурень, брате, дурень» [Опочинин 1912: 20]. Это обращение возбуждало страх и возмущение в душе Вяземского.

В Пасху во время заутрени после чуда освобождения людей, князь переменялся в настроении, произошло нравственное и духовное перерождение, о чем свидетельствует его примирение с Васей и порыв души к примирению со всеми, в первую очередь с теми, кто находится в церкви и кого он обидел: «Воевода обнял его и трижды облобызал братски... <...> И пошел воевода по всей церкви, и христосовался со всеми вчерашними колодниками, а те, не помня зла, ответно говорили ему: Воистину Воскресе!» [Опочинин 1912: 26]. Духовная эволюция героя начинается со страха Божьего и завершается духовным прозрением и согласием с окружающими.

Таким образом, Е. Н. Опочинин в рождественских рассказах использует мотив спасения, который связан с ситуацией духовного прозрения героя, а в пасхальных рассказах через ситуацию испытания герой двигается к согласию с окружающими, к соборности. Календарная проза ярославского писателя учит добру, взаимопрощению и светлой любви друг к другу.

Литература

Есаулов И. А. Пасхальный архетип в поэтике Достоевского / И. А. Есаулов // Евангельский текст в русской литературе ХУШ-ХХ веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сб. науч. трудов. Вып. 2. Петрозаводск, 1998. С. 349–362.

Есаулов И. А. Пасхальный архетип русской литературы как фактор жанропорождения / И. А. Есаулов // Дергачевские чтения - 2008. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций : материалы IX Междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2009. – Т. 1. – С. 164–173.

Захаров В. Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы / В. Н. Захаров // Проблемы исторической поэтики. – Петрозаводск, 1994. – С. 249–261.

Макеева С. Г., Михеенко О. С. Календарные рассказы духовно-нравственной тематики как литературное явление / С. Г. Макеева, О. С. Михеенко // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль, 2013. – № 4 – Том I (Гуманитарные науки). – С. 243–246.

Опочинин Е. Н. Из рассказов охотника: [репринтное издание] / Е. Н. Опочинин. – М. : Типография литературного русского товарищества печатного и издательского дела, 1907. 376 с.

Опочинин Е. Н. Лес и поле. Охота: Рассказы / Е. Н. Опочинин. – М. : Издание И. К. Кнебель, 1910. 128 с.

Опочинин Е. Н. Старое и новое: Рассказы / Е. Н. Опочинин. – М. : Издание И. К. Кнебель, 1912. 179 с.

Федорова Е. А. Этнокультурные и социокультурные проблемы современной коммуникации: учебно-методическое пособие / Е. А. Федорова; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2016. 60 с.

Grashchenkova D. T. Eternal and Temporary in the Calendar Prose by E. N. Opochinin

In calendar prose E. N. Opochinin shows that Christmas and Easter become a time of human trials when the duality of their nature is manifested. In Christmas stories the motive of salvation sounds which is associated with the situation of the spiritual insight of the hero. In Easter stories the hero moves towards agreement with others, towards collegiality through the situation of trial. The immersion of the hero in sacred time is the culmination of the stories.

Keywords: E. N. Opochinin, Christmas stories, Easter stories, the motive of salvation, situations of trial, insight, consent.

Е. О. Осюшкина

(научн. руководитель И. Е. Васильев)

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

Вадим Шершеневич глазами современников и сегодняшнее видение творчества поэта

Аннотация: в статье представлен сравнительный анализ различных подходов исследователей к творчеству Вадима Шершеневича. Многие современники не воспринимали В. Шершеневича как «серьезного» поэта вследствие обвинений в подражательности, что сформировало представление о некой литературной несостоятельности Шершеневича. Современные ученые логически обосновывают эту черту в его творчестве и признают за Шершеневичем роль самобытного поэта. Таким образом, восприятие его творчества сегодня существенно отличается от восприятия его современников.

Ключевые слова: подражательность, чужое слово, символизм, футуризм, имажинизм.

В. Г. Шершеневич в русской поэзии ХХ века традиционно занимает нишу поэта второго плана – не столь оправданно, по мнению многих современных исследователей творчества этого поэта. Шершеневич был одним из зачинателей принципиально нового на тот момент (1919 г.) литературного направления наряду с С. А. Есениным и А. Б. Мариенгофом – имажинизма. И хотя Вадим Шершеневич стал, пожалуй, главным теоретиком этого течения и разработал основные художественные